

1915 год: подсчет миллионных потерь

БОРИС
СОКОЛОВ

Русский фронт Первой мировой войны: потери сторон. 1915

СЕРГЕЙ НЕЛИПОВИЧ

М.: Квадрига, 2022. – 914 с.

Новая книга исследователя истории Первой мировой войны Сергея Нелиповича посвящена потерям стран-участниц на Восточном фронте – Российской, Германской и Австро-Венгерской империй – в 1915 году. Она является продолжением его исследования, посвященного потерям сторон в 1914 году¹. Нелипович использует для определения потерь все сохранившиеся архивные и опубликованные источники, включая истории полков, по которым он скрупулезно подсчитал потери за 1915 год по именным спискам, а ранее – за 1914-й, что можно считать настоящим научным подвигом. Историк проделал титанический труд и практически исчерпал источниковедческую базу исследования. Он использовал материалы Российского государственного военно-исторического архива, Военного архива Государственного архива Австрии, Военно-исторического музея и архива Венгрии, Военного архива Федерального архива Германии и Баварского государственного главного архива. Труд Нелиповича, очевидно, сам по себе будет служить одним из важнейших источников для будущих исследователей проблемы людских потерь в Первой мировой войне.

Применительно к русской армии историк полагает наиболее достоверным источником «сведения о потерях русских войск, содержащиеся [...] в приказах частей и приложенным к ним списках снятых с довольствия и исключенных из списков офицеров и нижних чинов (наиболее полный и достоверный источник, в особенности учитывая и последующие исправления допущенных ошибок и неточностей)» (с. 37). Также Нелипович использует донесения о потерях соединений и объединений русской армии (от недельных до месячных), экстраординарные донесения о потерях в отдельных операциях, а также боевые донесения, описания боев и журналы боевых действий. По мнению историка, непосредственный подсчет потерь сторон

Борис Вадимович Соколов (р. 1957) – историк, филолог, член ассоциации ПЭН-Москва.

1 Нелипович С.Г. *Русский фронт Первой мировой войны: потери сторон. 1914*. М.: Квадрига, 2017.

БОРИС СОКОЛОВ
1915 ГОД: ПОДСЧЕТ
МИЛЛИОННЫХ ПОТЕРЬ

по источникам предпочтительнее определения их балансовым методом, который он использует только как вспомогательный: балансовый метод позволяет «закрывать лакуны в случае полного отсутствия иной информации о потерях путем сравнения наличных сил в начале и в конце операции, с учетом влитого пополнения» (там же).

При балансовом методе определяется численность войск на две даты, поступившие за этот период маршевые пополнения, изменения в составе войск за счет убития старых и прибытия новых частей и соединений. В идеале разница между ними дает суммарную оценку понесенных потерь за период между двумя датами убитыми, ранеными, пропавшими без вести, эвакуированными больными и погибшими от небоевых причин – умершие от болезней, несчастных случаев, покончивших с собой и расстрелянных по приговору военно-полевых судов, а также дезертиров. Из полученных суммарных потерь вычитают потери за указанный период, отмеченные в разного рода донесениях, суммируют их и вычитают из цифры потерь, полученной балансовым методом. Если разность оказывается достаточно значительной, то ее относят главным образом за счет безвозвратных потерь, недоучтенных в донесениях.

Балансовый метод может помочь в тех случаях, когда иные методы исчисления потерь дают явный и значительный недоучет. На мой взгляд, балансовый метод надо использовать не только тогда, когда иные источники выявления потерь отсутствуют, но вообще во всех случаях, когда исчисления потерь этим методом оказываются возможными, чтобы потом сравнить их с данными о потерях, полученными из других источников. Теоретически балансовый метод на полковом уровне применить легче, чем на уровне более крупных соединений и объединений. Но на практике по многим полкам информация, необходимая для построения баланса, не сохранилась, и порой ее можно найти только на бригадном, дивизионном или более высоком уровне. Во всяком случае Нелиповичу стоило бы попробовать построить балансы за 1915 год хотя бы по нескольким полкам всех воюющих сторон, чтобы убедиться, применим ли в данном случае балансовый метод. Если бы выяснилось, что по некоторым полкам явно отсутствуют данные о поступивших пополнениях за ряд периодов, то есть имеющиеся данные о численности полка на определенную дату оказываются значительно больше, чем должна была бы быть численность личного состава исходя из донесений о потерях, и эта разность образовалась за счет неучтенных пополнений, то можно сделать вывод, что балансовый метод в данном случае неприменим и не стоит тратить дальше время на трудоемкие подсчеты.

Следует подчеркнуть, что, ознакомившись с огромным числом архивных документов на разных языках и практически со всеми опубликованными источниками, Нелипович не ограничился подсчетами потерь, но также дал подробный оперативно-стратегический очерк хода боевых действий на Восточном фронте за период с января 1915-го по январь 1916 года включительно, нередко в своем анализе спускаясь на уровень бригад и даже полков. В частности, очень подробно и интересно описывается германская газовая атака на защитников крепости Осовец 24 июля (6 августа) 1915 года (с. 536–537). Анализ хода боевых действий Нелипович строит прежде всего с точки зрения величины понесенных сторонами потерь, стремясь выяснить, как этот фактор влиял на стратегию и тактику русской, австро-венгерской и германской армий. К каждой главе и к большинству параграфов приложены таблицы, где отражены потери всех сторон в тех или иных операциях до уровня бригад и полков включительно – в тех случаях, когда они действовали отдельно от своих дивизий и бригад. Это бесценный справочный материал, который можно использовать для определения потерь в различных боях. Важно также и то, что потери в отдельных операциях Нелипович определяет в контексте реального хода боевых действий и тактики сторон, обращая внимание на уровень обеспечения снарядами (соответствующие данные в книге приводятся).

В этой рецензии я сосредоточусь в первую очередь на проблеме потерь. Нелипович пишет:

«[В русской армии] высокие потери пропавшими без вести уже с декабря 1914 года вызывали гнев высшего командования, а весной и летом 1915 года уже трактовались как неумение начальника держать в руках войска, а потому не афишировались под различными “объективными” предлогами. Зачастую в журналах военных действий оставались пробелы у категорий потерь нижних чинов, так и оставшиеся незаполненными. 25 июня 1915 года главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта, генерал от инфантерии Михаил Алексеев, был вынужден объявлять особым приказом:

“В войсковых донесениях очень часто умалчивается о потерях, понесенных во время боев в людях и особенно в материальной части. Иногда говорится, что потери выясняются, но только в виде исключения я получал результаты этого выяснения. И только спустя месяц даже более, из требовательных ведомостей, отправляемых начальникам снабжений, приходится уяснять размер утраты, иногда трудно объяснимой. Требую, чтобы в будущем от меня не были скрываемы потери. [...] Рассчитываю, что более не повторятся случаи умолчания о потерях и утратах от начальников, на обязанности которых лежит решение вопросов о боевом применении частей. В основе отношений должна быть положена полная откровенность частей и полная осведомленность начальников”» (с. 36).

Поэтому в русской армии в 1915 году появились «экстраординарные запросы Ставки о потерях в наиболее крупных операциях или в случае объявления противником о большом количестве взятых пленных и трофеев»:

«После первых трех недель Горлицкой операции Верховный главнокомандующий, великий князь Николай Николаевич, “повелел потребовать от войсковых начальников откровенных донесений о потерях, предписал в кратчайший срок представить самые полные сведения о наших действительных потерях, а именно: о потерях в личном составе – выделив особо офицеров и показав отдельно убитых, раненых и пропавших без вести в каждом из полков дивизий и артиллерийских дивизионов, а также потери в орудиях, пулеметах и зарядных ящиках за период времени с 19 апреля по 6 мая”» (с. 36).

Но к указанному сроку (18/31 мая) были доставлены донесения только от двух армий (9-й и 11-й), затем, после повторного напоминания, 25 мая (7 июня) поступило донесение из 8-й армии. Донесения же понесшей наибольшие потери 3-й армии Нелипович в архивах так и не обнаружил, что позволяет предположить, что оно так и не было подготовлено. Зато в сохранившихся донесениях корпусов этой армии историк нашел, что они занижают потери даже по сравнению с ранее представленными регулярными донесениями (с. 36–37).

Приводимые Нелиповичем данные по потерям в отдельных операциях показывают, что в русской армии был весьма значительный недоучет безвозвратных потерь, который не покрывают даже подсчеты по именованным спискам. В частности, в ходе зимней Праснышской операции в период с 25 января (7 февраля) по 15 (28 февраля) 1915 года Нелипович определяет русские потери пропавшими без вести в 8855 человек, включая 25 офицеров (с. 109). Но он же приводит данные о том, что в ходе этой операции немцы взяли не менее 30 266 пленных, включая 71 офицера (с. 96, 97, 99, 100, 102). Таким образом, в ходе Праснышской операции среди русских, пропавших без вести, не были учтены по крайней мере 21 411 пленных, включая 46 офицеров. На практике недоучет был еще больше, поскольку в пропавшие без вести попадали еще и убитые. В суммарных же потерях за 19 января (1 февраля) – 15 (28) апреля 1915 года в ходе Праснышской и Ломжинской операций и в позиционных боях русские потери пропавшими без вести показаны в 465 офицеров и 97 517 солдат, при том, что германские войска взяли в плен 67 343 человек – правда, в период с конца февраля (по новому стилю) (с. 137). Если добавить сюда 30 266 пленных, взятых немцами в феврале, общее число пленных увеличится до 97 609 человек, что лишь на 373 человека меньше числа пропавших без вести по русским данным. Цифру недоучтенных

пропавших без вести в Праснышском сражении, 21 411 человек, можно рассматривать как общее число недоучтенных убитых, не попавших ни в зарегистрированные убитые, ни в зарегистрированные пропавшие без вести в итоговых потерях в ходе Праснышской и Ломжинской операций и в позиционных боях. Тогда общее число убитых с русской стороны в суммарных потерях за 19 января (1 февраля) – 15 (28) апреля 1915 года в ходе Праснышской и Ломжинской операций и в позиционных боях следует увеличить с 36 535 зарегистрированных убитых на 373 убитых среди зарегистрированных пропавших без вести и на 21 411 убитых, не попавших ни в какие донесения. Получается 58 319 человек – минимальная оценка числа убитых с русской стороны в ходе Праснышской и Ломжинской операций. Нелипович оценивает общие русские потери убитыми в этих операциях в 67 174 человека (с. 139), но для получения этой цифры использует ошибочный метод. Он из числа зарегистрированных русских военных, пропавших без вести (97 982 человека), вычел число пленных, захваченных немцами в период с конца февраля до конца апреля (67 343 человека), а полученную разницу (30 639 человек) прибавил к числу зарегистрированных убитых (36 535 человек), что и дало итоговую цифру в 67 174 человека. Однако в число зарегистрированных пропавших без вести попадают также пленные, захваченные немцами в феврале, и с их учетом в число зарегистрированных пропавших без вести попадают только 373 убитых.

21 411 – это минимальное число незарегистрированных убитых в русских войсках в ходе Праснышской и Ломжинской операций в период с 19 января (1 февраля) по 15 (28) апреля 1915 года. Реальное число недоучтенных убитых может быть гораздо больше. Недоучет в 21 411 человек образовался только за один месяц, когда всего были захвачены немцами 30 266 пленных. За два последующих месяца число русских пленных возросло на 67 343 человека. Если недоучет пленных происходил в той же пропорции, что и в феврале, то за март–апрель могли быть не зафиксированы в числе пропавших без вести примерно 47 640 пленных. Тогда общее число нигде не зарегистрированных русских убитых могло быть увеличено до 69 051 человека, а общее число убитых до 105 959 человек. Разумеется, реальный недоучет убитых и пленных в марте–апреле мог уменьшиться за счет мер по улучшению учета в ответ на требования высших штабов. Но реальный недоучет убитых в русских войсках в ходе Праснышской и Ломжинской операций в период с 19 января (1 февраля) по 15 (28) апреля 1915 года в любом случае был выше, чем 21 411 человек.

Можно предположить, что в русской армии число убитых, не попавших ни в число зарегистрированных убитых, ни в чис-

ло зарегистрированных пропавших без вести за период той или иной операции, было прямо пропорционально числу плен­ных, захваченных Центральными державами за период дан­ной операции. Чем больше было пропавших без вести, тем труднее был их учет. Если мы примем число неучтенных уби­тых за 21 411 человек, то на одного такого убитого приходится 4,6 плен­ных по итогам Праснышской и Ломжинской операций. Поскольку реальное число недоучтенных убитых наверня­ка выше, мы примем коэффициент 4:1, что означает, что на 4 плен­ных приходится 1 недоучтенный убитый, не попавший ни в зарегистрированные убитые, ни в зарегистрированные пропавшие без вести. Если же брать максимальную оценку недоучтенных убитых в 69 051 человека, то соотношение к ним числа плен­ных будет 1,4:1, что представляется сильно зани­женным коэффициентом.

Нелипович оценивает потери немецкой и австро-венгерской армий в ходе Праснышской и Ломжинской операций и позици­онных боев в период с 19 января (1 февраля) по 15 (28) апреля 1915 года в 12 562 убитых военнослужащих (с. 139), прибав­ляя к 11 693 зарегистрированным убитым еще 869 человек из числа пропавших без вести. Однако российские войска в пе­риод с 19 января (1 февраля) по 15 (28) апреля 1915 года за­хватили 127 германских офицеров и врачей и 12 562 плен­ных, включая 69 австро-венгров. Германские зарегистрированные потери пропавшими без вести в Праснышской и Ломжинской операциях составили 15 964 человека. Если вычесть из этого числа 12 620 германских плен­ных, то останутся 3344 челове­ка из числа пропавших без вести, которые предположитель­но были убиты. Но тогда потери германских войск убитыми следует оценить в 15 037 человек. Скорее всего в данном слу­чае мы имеем дело с опечаткой, и вместо правильной цифры 15 037 погибших германских военнослужащих была случай­но поставлена цифра 12 562, в действительности относящаяся к численности германских и австро-венгерских солдат, попав­ших в русский плен в ходе Праснышской и Ломжинской опера­ций. Потери австро-венгров, по данным Нелиповича, в период с 19 января (1 февраля) по 15 (28) апреля 1915 года в Прасныш­ской и Ломжинской операциях составили 34 убитых и 89 про­павших без вести (с. 137), из которых 20 человек, вероятно, также были убиты.

Автор отмечает, что при взятии австро-венгерской крепос­ти Перемышль (Пшемьсль) русскими войсками 9 (22) марта 1915 года были не только взяты в плен 9 австро-венгерских генералов, 2875 офицеров и 113 831 солдат, но и освобожден 1331 русский плен­ный, включая 11 офицеров (с. 211). Не исклю­чено, что изначально русских плен­ных было немного больше,

так как некоторые из них могли умереть от голода и болезней. Между тем осаждавшая Перемышль русская 11-я армия в январе–марте 1915 года потеряла только 301 солдата и 3 офицеров пропавшими без вести (там же). Это может свидетельствовать о большом недоучете пропавших без вести. Нелипович справедливо заключает, что к падению крепости привели ошибки австро-венгерского командования, которое недостаточно обеспечило Перемышль продовольствием перед началом второй осады в ноябре 1914 года и отказалось от эвакуации населения, не обслуживавшего нужды гарнизона, раздуло состав гарнизона за счет нестроевых и в то же время оставило в крепости некоторые полевые соединения, использовать которые для обороны не было необходимости. Кроме того, крепость была в плохом санитарном состоянии, что привело к многочисленным инфекционным заболеваниям. Австрийское командование чересчур оптимистично оценивало возможности деблокады Перемышля (с. 211–212). Взятие Перемышля стало одной из крупнейших побед русской армии в Первой мировой войне.

Потери армий русского Юго-Западного фронта в Галиции и Карпатах в период с 19 апреля (2 мая) по 22 мая (4 июня) 1915 года, за первые две фазы Горлицкой операции австро-германских войск, переломившего ход кампании 1915 года, Нелипович определяет в 202 529 солдат и 1014 офицеров, пропавших без вести. И тут же отмечает, что германские и австро-венгерские войска за этот период Горлицкой операции взяли в плен 3 генералов, 863 офицеров и 268 869 солдат (с. 335). Налицо недоучет как минимум 66 192 пропавших без вести, оказавшихся в плену. Но реальный недоучет был еще больше. Среди пленных не оказалось 148 офицеров из числа пропавших без вести, что составило 14,6% общего числа зарегистрированных пропавшими без вести офицеров. Очевидно, почти все эти 148 офицеров в действительности погибли. Поскольку офицеров считали точнее, чем солдат, можно быть уверенным в том, что доля солдат среди пропавших без вести, оказавшихся убитыми, была значительно выше 14,6%. Если применить соотношение, согласно которому в русской армии 1 убитый, не учтенный ни среди зарегистрированных убитых, ни среди зарегистрированных пропавших без вести, приходится на 4 пленных, то 269 735 пленным соответствуют порядка 67 400 неучтенных убитых. Тогда потери русского Юго-Западного фронта в период с 19 апреля (2 мая) по 22 мая (4 июня) 1915 года убитыми можно оценить, прибавив к зарегистрированному числу убитых (41 951 человек) гипотетическое число неучтенных убитых (67 400 человек), что дает в сумме 109 351 человека.

Потери германских войск в сражениях против русского Северо-Западного фронта в период с 15 (28) апреля по 30 июня

БОРИС СОКОЛОВ

1915 ГОД: ПОДСЧЕТ
МИЛЛИОННЫХ ПОТЕРЬ

(13 июля) 1915 года Нелипович определяет в 12 665 убитых, включая 292 офицеров и 2 австро-венгерских солдат и 6814 пропавших без вести, включая 90 офицеров (с. 467). При этом отмечается, что русские в этих сражениях взяли 8477 пленных, включая 64 офицера (с. 468). Это число на 1663 человека превышает число пропавших без вести, зарегистрированных с германской стороны. Фактически же разность между заявленным русской стороной числом германских пленных и числом тех зарегистрированных германских пропавших без вести, которые оказались в русском плену, еще больше, так как из 90 пропавших без вести германских офицеров в плену оказались только 64. Поэтому логично предположить, что 26 пропавших без вести германских офицеров (28,9% общего числа) в действительности погибли. С ними вместе должны были погибнуть не менее 28,9% солдат из числа пропавших без вести, то есть не менее 1943 человек. Реально последняя цифра должна быть выше, так как, повторю, офицеров считали гораздо точнее, чем солдат. Но в любом случае следует предположить, что не менее 1969 человек из 6814 зарегистрированных германских пропавших без вести в действительности погибли, так что в плен попали не более 4845 германских пропавших без вести.

Разность между заявленным русской стороной числом захваченных германских пленных и числом пленных среди зарегистрированных германских без вести пропавших можно оценить не менее, чем в 3632 человека. Эта разность могла образоваться как за счет недоучета количества пропавших без вести германской стороной, так и преувеличением числа захваченных в плен немцев русской стороной. Как доказывает Нелипович, преувеличение числа пленных русской стороной иной раз имело место. Например, штаб русской 8-й армии сообщал, что с середины августа до середины сентября (по старому стилю) ею были захвачены в плен 1230 офицеров и 69 540 солдат, однако до 17 (30) ноября 1915 года через этапные пункты прошли только 21 639 пленных, включая 280 офицеров (с. 739). Но в любом случае разницу между заявленным русской стороной числом захваченных пленных (8477 человек) и предполагаемым числом пленных среди германских пропавших без вести (4845 человек), равную 3632 человекам, стоило бы прибавить к зарегистрированному числу германских пропавших без вести, если верно предположение, что она образовалась за счет недоучета германских пропавших без вести. Однако Нелипович поступил иначе. Разницу между заявленным русской стороной числом взятых в плен немцев (8477 человек) и числом зарегистрированных германских пропавших без вести (6814 человек), равную 1663 человекам, он вычел из чис-

ла зарегистрированных германских убитых (12 665 человек), уменьшив его до 11 002 человек (с. 468), что является явной ошибкой. Ведь не могло быть такое большое число попавших в плен (1663 человека) зарегистрировано в качестве убитых.

Подводя итоги Горлицкой кампании апреля–июля 1915 года на всех фронтах, Нелипович заключает, что «германские и австро-венгерские войска также несли тяжелые потери; количество погибших в боях было немногим меньше, чем с русской стороны» (с. 470). Но на самом деле это не так. Согласно данным Нелиповича, русские потери убитыми составили 145 307 человек, в том числе 2090 офицеров, австро-венгерские – 44 263 человека, в том числе 1269 офицеров, и германские – 36 726 человек, включая 1020 офицеров. Всего потери Центральных держав убитыми составили 80 989 человек, включая 2289 офицеров. Русские потери пропавшими без вести составили 564 257 человек, в том числе 2384 офицера. Австро-венгерские потери пропавшими без вести достигли 164 592 человек, в том числе 2124 офицера. Германские потери пропавшими без вести составили 14 864 человека, включая 178 офицеров. Потери Центральных держав пропавшими без вести равны 179 456 человек, в том числе 2302 офицера. В плен попали 507 500 русских и 111 835 австро-венгров и германцев (с. 384, 456, 468, 470). Получается, что потери России убитыми, включая туда убитых из числа пропавших без вести, можно оценить в 202 064 человек, а потери Центральных держав – в 148 660 человек. Разница вроде бы не такая существенная, всего в 1,4 раза. Но надо иметь в виду существующий недоучет русских безвозвратных потерь. Если использовать предположенное мной соотношение, согласно которому, на 4 русских пленных приходился 1 убитый, не зарегистрированный ни среди убитых, ни среди пропавших без вести, то на Горлицкую кампанию приходится примерно 126 900 неучтенных убитых. Таким образом, общее число убитых с русской стороны в ходе Горлицкой кампании можно оценить в 329 000 человек, что в 2,2 раза больше потерь Центральных держав убитыми.

По данным Нелиповича, в ходе летней Праснышской операции (она же Бугско-Наревская) в период с 30 июня (13 июля) по 14 (27) августа 1915 года войска русского Северо-Западного фронта потеряли 37 987 убитых, 233 619 пропавших без вести и 163 606 раненых. Германский Восточный фронт в этом сражении потерял 24 726 убитых, 4491 пропавшего без вести и 75 181 раненого (с. 550). Соотношение потерь убитыми оказывается всего лишь 1,5:1 в пользу немцев. Однако оно существенно изменится, если мы добавим убитых из числа пропавших без вести. В ходе летней Праснышской операции немцы взяли в плен 205 909 человек (с. 520, 522, 523, 524, 530, 532, 534,

БОРИС СОКОЛОВ

1915 ГОД: ПОДСЧЕТ
МИЛЛИОННЫХ ПОТЕРЬ

535, 544, 547). Русские войска пленили только 743 человека (с. 530, 537). Вероятно, это худшее соотношение потерь пленными для русской армии за всю войну – 2771:1 в пользу немцев. Соответственно, число убитых из числа пропавших без вести для русской стороны составило 27 710 человек, а для германской – 3748 человек. С их учетом число убитых в войсках российского Северо-Западного фронта увеличивается до 65 697, а в войсках германского Восточного фронта – до 28 474, что дает соотношение 2,3:1. Оно почти совпадает с соотношением потерь ранеными – 2,2:1 в пользу немцев. Однако на практике соотношение потерь ранеными должно быть в еще большей степени в пользу германской стороны, поскольку многие русские раненые оказались в числе пленных. Если же добавить к русским убитым неучтенных убитых, не попавших ни в число зарегистрированных убитых, ни в число зарегистрированных пропавших без вести, определив их в одну четверть от числа пленных (51 477 человек), то число русских убитых в летней Праснышской операции увеличится до 117 174 человек, а соотношение потерь убитыми – до 4,1:1. Чтобы таким же стало соотношение потерь ранеными, придется предположить, что среди 205 909 русских пленных оказались 144 600 раненых. Скорее всего реальное число раненых среди русских пленных было существенно меньше, поскольку в боях с германской армией в русской армии из-за гораздо больших, чем у немцев, потерь убитыми, на одного убитого приходилось меньше раненых, чем в германской армии. Вот в боях с австро-венгерской армией этот фактор не действовал, поскольку потери русских и австро-венгерских войск убитыми в боях друг против друга вполне соотносимы.

В ходе Риги-Шавельской операции в период с 1 (14) июля по 15 (28) августа 1915 года русский Северо-Западный фронт потерял 14 025 убитыми, 81 486 пропавшими без вести и 61 314 ранеными. Потери германской группы армий Гинденбурга составили 9061 убитым, 4337 пропавшими без вести и 24 778 ранеными. Немцы захватили 51 000 пленных, а русские – 1302 пленных (с. 678). За счет убитых, оказавшихся среди зарегистрированных пропавших без вести, количество убитых с российской стороны возрастает до 44 511 человек с русской стороны и до 12 096 с германской стороны, что дает соотношение 3,7:1 в пользу немцев. Если же добавить с русской стороны неучтенных убитых, не попавших ни в зарегистрированные убитые, ни в зарегистрированные пропавшие без вести, оценив их в четверть от числа захваченных немцами пленных, то число убитых возрастет до 57 261 человека, а соотношение потерь убитыми – до 4,7:1 в пользу немцев. При этом соотношение потерь ранеными оказывается только 2,5:1. Разница скорее всего

образовалась как за счет того, что часть русских раненых оказалась среди пленных, так и вследствие того, что в боях с немцами в русской армии на одного убитого приходилось меньше раненых, чем в германской.

За время летней кампании, продолжавшейся с 30 июня (13 июля) по 15 (28) августа 1915 года, русские войска потеряли, согласно подсчетам Нелиповича, 479 349 пропавших без вести, включая 3413 офицеров (с. 695). И тут же автор сообщает, что Центральные державы заявили Международному Красному Кресту о захвате с середины июля до 1 сентября 1915 года 511 679 пленных, в том числе 2923 офицеров и 18 генералов (с. 697). То, что как минимум 32 330 пленных не попали в число русских пропавших без вести, Нелипович объясняет следующим образом:

«Число заявленных Международному Красному Кресту пленных превышает количество пропавших без вести, вероятно, за счет пленных, взятых в конце августа, когда началось наступление австро-венгерских войск на Волыни и бои за Гродно и Вильно, а также в результате ошибок в подсчетах и недоучета пропавших без вести среди тыловых частей и служб Ковно, Ивангорода, Ломжи и Осовца. Однако в данном случае налицо тенденция, когда почти все пропавшие без вести оказываются в плену» (с. 697).

Историк совершенно справедливо не допускает возможность сознательного завышения числа пленных в сведениях, предоставляемых Международному Красному Кресту, так как это было бессмысленно. «Мертвые души», в конце концов, были бы сочтены умершими в плену, а высокая смертность пленных не лучшим образом отразилась бы на репутации захвативших их держав. Но, разбирая далее заключительные операции 1915 года, Нелипович отмечает, что германские войска перешли в наступление на Гродно и Вильно в рамках Виленской операции только 19 августа (1 сентября) (с. 706), а первых пленных в количестве 3600 человек захватили 21 августа (3 сентября) (с. 707). Что же касается Луцко-Ровенской операции австро-венгерской армии, то она, хотя и началась 14 (27) августа, но первый захват русских пленных в количестве 6000 человек Нелипович отмечает только 24–25 августа (6–7 сентября) (с. 723), тогда как захват русскими войсками 4689 пленных из состава Южной германской армии, состоялся, по данным автора, 18 (31) августа (с. 722).

Офицеров среди русских пропавших без вести было зарегистрировано на 472 человека больше, чем оказалось в плену. 472 человека составляют 13,8% общего числа русских офицеров, пропавших без вести в период с 30 июня (13 июля) по 15 (28) августа 1915 года. Поскольку офицеров считали точнее, чем солдат, можно предположить, что реальная доля убитых

БОРИС СОКОЛОВ

1915 ГОД: ПОДСЧЕТ
МИЛЛИОННЫХ ПОТЕРЬ

среди пропавших без вести в этот период в русской армии была еще выше.

На мой взгляд, Нелипович допускает ошибку, полагая, что для русской стороны в июле–августе 1915 года почти все пропавшие без вести – это попавшие в плен. В действительности в категорию пропавших без вести в русской армий Первой мировой войны, как и в армиях других государств, попадали как те военнослужащие, которые оказались в плену, так и те солдаты и офицеры, кто был убит, но о чьей смерти не было известно. Однако в число пропавших без вести никогда не попадают ни все пленные, ни все погибшие, не зарегистрированные в качестве убитых. Применительно к российской армии исчисления Нелиповича по потерям 1915 года позволяют заключить, что недоучитывалась весьма значительная часть как пленных, так и тех, кто был убит, но не был зарегистрирован в качестве убитых. Можно предположить даже, что в ряде случаев число убитых, оказавшихся в категории пропавших без вести, было меньше числа убитых, не зарегистрированных ни в качестве убитых, ни в качестве пропавших без вести. Но если речь идет о достаточно длительном периоде времени, например, обо всей кампании 1915 года, то число убитых, оказавшихся среди пропавших без вести, оказывается достаточно большим, чтобы компенсировать недоучет пленных. И тогда общее число пропавших без вести оказывается выше, чем число пленных, захваченных Центральными державами. Поэтому нельзя делать вывод о том, что почти все пленные оказались в числе зарегистрированных пропавших без вести.

Нелипович упоминает категорию «оставшиеся на поле сражения», фигурирующую в русских донесениях и включавшуюся в категорию «пропавших без вести» (с. 38). Как правило, это были раненые, которых не смогли эвакуировать. В дальнейшем они либо попадали в плен, либо погибали, если медицинская помощь была оказана слишком поздно. Но их имена далеко не всегда фиксировались. Отсюда появлялись неучтенные пленные и неучтенные убитые, не попадавшие ни в зарегистрированные убитые, ни в зарегистрированные пропавшие без вести.

Относительно потерь в боях, которые вели русские войска против германских и австро-венгерских войск в период с 18 ноября (1 декабря) 1915 года по 18 (31) января 1916-го, автор делает оговорку:

«По многим русским армиям за указанный период указано количество эвакуированных офицеров и нижних чинов без разбивки на раненых и больных, хотя число раненых действительно многократно превосходило количество убитых в силу того, что люди получали ранения главным образом в окопах и блиндажах от обстрелов, а эти укрытия снижали летальность» (с. 825).

Замечу, что во время более или менее активных боевых действий число эвакуированных раненых, как правило, гораздо больше, чем число эвакуированных больных, хотя зимой увеличивается число обморожений и простуд. Тезис же о снижении летальности из-за нахождения солдат и офицеров в укрытиях в той же мере применим к германской и австро-венгерской армиям. Согласно подсчетам Нелиповича, в период с 18 ноября (1 декабря) 1915 года по 18 (31) января 1916-го во время боев на пассивных участках фронта войска русских Северного и Западного фронтов потеряли 2222 убитыми, 1320 пропавшими без вести и 83 742 ранеными. Противостоявшие им армии Центральных держав потеряли 3345 убитыми, 1739 пропавшими без вести и 3820 ранеными (с. 826). Отсюда Нелипович делает вывод о том, что «безвозвратные потери войск противника на пассивных участках Северного и Западного фронтов были в полтора раза выше, чем у русских войск» (с. 827). Однако этот вывод вряд ли соответствует действительности. Если мы условно примем, что с каждой из сторон половина пропавших без вести – это убитые, то соотношение числа раненых и числа убитых для русских армий в этих боях можно оценить как 29:1, а для армий Центральных держав – как 0,9:1. Такой колоссальный разрыв в соотношении убитых и раненых – более, чем в 30 раз, – нельзя объяснить только тем, что, как признает Нелипович, число раненых могло быть завышено в суммарных русских армейских рапортах за счет эвакуированных больных (там же). Главным фактором, очевидно, был колоссальный недоучет убитых в русских войсках. Поэтому вывод Нелиповича о «более успешных действиях русских войск, если они не вели наступление, а ограничивались “беспокоящими действиями”» (там же), представляется неверным. Тем более, что его же подсчеты свидетельствуют, что у Центральных держав в этих боях мог быть некоторый недоучет раненых, но он никак не мог быть таким, чтобы дать показатели, близкие к соотношению раненых и убитых в русской армии. Поэтому теория о том, что укрытая в укреплениях пехота несет относительно меньшие потери убитыми, представляется ошибочной.

Согласно подсчетам Нелиповича, за всю кампанию 1915 года потери русских армий составили 504 939 убитых, включая 6453 офицера, 1 646 598 пропавших без вести, включая 9099 офицеров, и 2 089 811 раненых, включая 29 509 офицеров. Армии Центральных держав потеряли 307 670 убитых, включая 7558 офицеров, 746 122 пропавших без вести, включая 10 705 офицеров, и 926 687 раненых, включая 20 108 офицеров (с. 844). Потери России пленными составили 1 544 212 человек, в том числе 34 генерала и 8825 офицеров. Считая остальных пропавших без вести погибшими, Нелипович увеличивает

ет общее число убитых в русской армии до 607 359 человек, включая 6727 офицеров и генералов (с. 846). Русские войска захватили 57 731 германского пленного, включая 993 офицера (с. 849), и 517 940 австро-венгерских пленных, включая 8852 офицера и 9 генералов (с. 851), – всего 575 671 пленного. С учетом этого число убитых в армиях Центральных держав можно увеличить за счет убитых среди пропавших без вести (170 451 человек) до 478 121 человека. Это дает соотношение потерь убитыми всего лишь 1,3:1 в пользу Центральных держав. Однако соотношение потерь ранеными оказывается 2,3:1, также в пользу Германии и Австро-Венгрии. Реальное же соотношение потерь ранеными должно быть еще больше в пользу Центральных держав, поскольку гораздо большая доля русских раненых, чем раненых армий Центральных держав, оказалась среди пленных. Ведь противники России взяли в 2,7 раза больше пленных, чем русская армия. Если мы добавим к цифре Нелиповича (607 359 русских убитых) число русских убитых, предположительно не зарегистрированных ни среди убитых, ни среди пропавших без вести, которое я оцениваю примерно в четверть от числа русских пленных, то есть в 386 053 человека, то общее число убитых в русской армии увеличится до 993 412 человек. Соотношение потерь убитыми вырастет до 2,1:1. Это близко к соотношению потерь ранеными – 2,3:1. Но если верно мое предположение, что в боях с германскими войсками в русских войсках на одного убитого приходилось меньше раненых, чем у немцев, то соотношение потерь убитыми должно быть в большей мере в пользу Центральных держав, чем соотношение потерь ранеными. Данное обстоятельство может говорить в пользу того, что реальный недоучет убитых в русской армии, не попавших ни в число зарегистрированных убитых, ни в число зарегистрированных попавших без вести, может существенно превышать 386 053. Более значительные потери русской армии в сравнении с противником отражают также тот факт, что почти во всех сражениях 1915 года на стороне русской армии было численное превосходство, немцы же и австро-венгры имели перевес в тяжелой артиллерии. Безвозвратные потери в более чем 2,5 миллиона человек основательно подорвали боевую мощь русской армии и стали одной из предпосылок революции 1917 года.

Сергей Нелипович привлек практически все источники, с помощью которых можно оценить потери России, Германии и Австро-Венгрии на Восточном фронте в 1915 году. Но при анализе результатов его подсчетов выяснилось, что сохраняется значительный недоучет русских потерь убитыми. Поскольку сколько-нибудь расширить круг источников в будущем вряд ли получится, проведенное Нелиповичем исследование дока-

зывает, что определить русские потери убитыми, а соответственно, и общие безвозвратные потери России в Первой мировой войне, опираясь только на имеющиеся источники, невозможно. Поэтому приходится оценивать потери Российской империи, прибегая к разным методам и допущениям. И это еще более справедливо применительно к советским потерям во Второй мировой войне, по которым до сих пор доступен еще более узкий круг источников.

Автор рецензируемой книги вполне убедительно опровергает широко распространенное мнение, что наступление Центральных держав на Восточном фронте в июне–августе 1915 года преследовало цель вывести Россию из войны путем окружения и последующей ликвидации армий центра и левого крыла русского Северо-Западного фронта. Он указывает на отсутствие такой цели в документах военного планирования Центральных держав и, что еще важнее, на «отсутствие мощных фланговых группировок противника, необходимых для маневра на окружение» (с. 692). Нелипович приходит к выводу, что целью австро-германского наступления было «создание угрозы окружения, которая заставила бы русские войска уйти за такие преграды, обратное преодоление которых было бы почти невозможно» (там же). Нелипович также утверждает:

«В ходе боев июля–октября войскам Центральных держав, и прежде всего Германской империи, не удалось ни вывести Россию из войны, ни склонить в результате военных поражений к переговорам о мире. Широким замыслом германского Главнокомандования на Востоке (П. фон Гинденбург, Э. Людендорф) не суждено было осуществиться, о чем предупреждал в начале летнего наступления начальник штаба Главной квартиры Э. фон Фалькенхайн» (с. 735).

Но вместе с тем автор сообщает: «Главная квартира в лице Э. фон Фалькенхайна ослабила наступающих, выведя из боя всю 11-ю армию Макензена и перебросив на другие ТВД более 20 дивизий» (с. 842). Гинденбург не мог не знать о переброске столь большого количества дивизий и никак не мог рассчитывать на достижения такого успеха, который бы немедленно вывел Россию из войны, поскольку сильных фланговых группировок, необходимых для операции на окружение, Гинденбургом создано не было. Поэтому целью наступления Центральных держав было лишь нанесение максимального урона русской армии и занятие удобных для обороны позиций.

Как показывает Нелипович, «снарядный голод» в русской армии происходил не столько от недостатка снарядов на складах, сколько от невозможности быстро доставить снаряды на позиции артиллерии. В армиях Германии и Австро-Венгрии

подвоз боеприпасов осуществлялся колоннами боепитания, которые имелись в каждом дивизионе или артиллерийском батальоне, что позволяло оперативно удовлетворять нужды артиллеристов. В русской же армии снаряды со складов получали парки армий, что сильно удлиняло путь боеприпасов до дивизионов и батарей. Кроме того, тактика германской и австро-венгерской артиллерии сводилась к стрельбе по площадям в тылу русских позиций, что препятствовало доставке боеприпасов и резервов на передовую, причем «меткость была поразительная, рассеивание не более 25–30 шагов; укрытия, как и окопы, становились могилою» (с. 336–337).

В рецензируемой книге также показано, что при отступлении из Восточной Пруссии осенью 1914 года и зимой 1915-го русские войска проводили тактику «выжженной земли», с уничтожением предприятий, угоном скота, сожжением сел и деревень и депортацией в глубь России мужского немецкого и еврейского населения трудоспособного возраста, как «явно враждебного». Подобная тактика стала побудительным мотивом для германского командования побыстрее освободить оккупированную часть Восточной Пруссии в феврале–марте 1915 года (с. 67–68). Такая же принудительная эвакуация немцев, евреев и поляков осуществлялась и при оставлении русской армией Царства Польского («принудительной высылке в восточные губернии подверглись 57 622 славянина, 124 120 евреев, до 200 тысяч немцев», с. 607–608). В результате, как подчеркивает Нелипович, «принудительная эвакуация обернулась разорением населения, появлением потока беженцев, коллапсом на железных дорогах и повышением социальной напряженности, причем большее количество недовольных оказалось перемещенными в центральные губернии Российской империи» (с. 841).

И, наконец, последнее соображение. Монография Нелиповича навела меня на мысли об ущербности современной российской системы научной аттестации. Из этой книги вполне возможно опубликовать порядка сотни статей в журналах из перечня ВАК, хотя на их публикацию может уйти лет двадцать, а то и больше. Однако все эти сто статей, даже сложенные вместе, будут иметь меньшую ценность, чем научная монография, где весь материал систематизирован и дан в логической связи. Между тем для защиты кандидатской и докторской диссертации первостепенное значение имеют именно «ваковские» публикации. Монографии же имеют второстепенное значение, а в некоторых ученых советах вообще не учитываются. Получается, что система аттестации не ориентирует ученых на создание наиболее ценных в гуманитарных науках публикаций – монографий. Думаю, имело бы смысл приравнять монографии к нескольким «ваковским» статьям или вообще

в некоторых случаях освободить авторов монографий от такого рода публикаций.

Будем надеяться, что Сергей Нелипович успешно завершит свою программу исследований и в будущем создаст столь же фундаментальные монографии, посвященные потерям сторон на русском фронте Первой мировой войны в 1916-м и в 1917–1918 годах.

БОРИС СОКОЛОВ

1915 ГОД: ПОДСЧЕТ
МИЛЛИОННЫХ ПОТЕРЬ